

Вера ФИЛИППОВА

г. Петрозаводск

Предоставьте мне...

рассказ

Марина Владимировна, вздохнув над экзаменационной ведомостью, где осталось несколько незаполненных строк напротив фамилий студентов, не явившихся на экзамен, сняла очки, прикрыла ладонью глаза и посидела минуту-другую без всяких мыслей и желаний. Она устала. Сессия заканчивается, с завтрашнего дня начинается отпуск. Это официально. А неофициально ещё предстоит «страда» с этими «неявившимися», ведь не от хорошей жизни они не пришли, не готовы к экзамену. И не будут готовы в эту сессию. Им бы впору заново курс прослушать. Но это не практикуется. Последуют «санкции», недовольство деканата: дескать, как же так, где же был преподавательский контроль, почему студенты волнуются? Как будто волноваться не есть свойство нормальной человеческой психики. Начнутся звонки с просьбами...

— Можно к вам? Я — мама. Мой ребёнок не смог сегодня сдать экзамен. Когда прийти девочке?

— Какой ребёнок? Какой девочке? — прищурилась Марина Владимировна.

— Петровой Оксане. — Мама подошла к столу, решительно взяла стул и уселась поудобнее. — Видите ли...

— А при чём тут «ребёнок»? Взрослая девушка, студентка. Это уже не детский возраст, это старшая юность, — начала просвещать Марина Владимировна.

— О-о! Не надо! Не надо читать мне лекцию. Для меня она — ребёнок. Неужели непонятно?

— Дочь — да, это степень вашего родства, но из детского возраста она...

— Я не за этим пришла, поймите, — втолковывала мама утомлённой преподавательнице. — У нас проблемы.

— У вас или у дочери?

— У дочери, значит, и у меня. Это же так понятно!

— В данном случае экзамен — её проблема. Впрочем, что случилось? Что с Оксаной, какая беда?

— Ну... не беда, конечно, но сегодня она должна была пойти к врачу. Это планово. Всё нормально проходит, но вы же женщина, сами понимаете. Ждём малыша, девочка волнуется.

— Понимаю. Волноваться в таком случае вредно, и не нахожу причины, если всё нормально. Справку от врача в деканат и заявление с просьбой продлить сессию, перенести экзамен на следующий год...

— Так вы примете?

— Нет, это будет другой преподаватель. У меня с завтрашнего дня отпуск.

— Всё-таки я просила бы, Марина Владимировна, предоставить нам возможность сдать экзамен именно вам. Другой преподаватель — лишнее волнение. Оксана к вам привыкла.

Марина Владимировна вздохнула, надела очки и открыла журнал. Она знала, что есть в списке такая Оксана Петрова, но не более того. В журнале стояли «н», «н», «н», то есть — не была, не была...

— Да она отсутствовала более чем на поло-

вине занятий. Когда ей было успеть привыкнуть?

– Так я же вам русским языком объяснила...

Русским языком... Марина Владимировна его-то и преподавала.

– Женщина, которая готовится стать матерью, берёт академический отпуск по состоянию здоровья.

– А зачем же нам отставать на год?! Всё же можно совместить!

– Да вот, как видите, не всё.

– Вы – мать? У вас дети есть?

– Ну, знаете, это к делу не относится, – начала раздражаться Марина Владимировна и опять взяла просветительскую ноту: – Я в своё время не совмещала университет с рождением ребёнка, полагая, что всё требует всего. Семейную жизнь надо планировать.

– У вас были свои проблемы, у нас – свои. Мы просим предоставить нам...

– Вы не просите, вы требуете! У меня нет оснований поступить иначе, и я предлагаю Оксане взять академический отпуск.

– Вы не женщина! Ребёнку рожать через месяц, а вы с моралью...

– Позвольте! – перешла в наступление Марина Владимировна – Во-первых, кто рожает? Ребёнок? Или ребёнка собираются рожать? Давайте договоримся о терминах. А во-вторых, я просто права не имею устраивать опрос женщине при таком сроке. Я, знаете ли, здесь экзамен принимаю, а не роды.

– То есть вы не предоставляете нам такой возможности?

– Я предоставляю вам с дочерью право решать самим, что в данном случае будет разумнее для здоровья матери и ребёнка. Да и для результата экзамена. Сегодня я сомневаюсь, что Оксана владеет необходимым объёмом знаний, и не вижу оснований для вашей настойчивости.

Марина Владимировна захлопнула и отодвинула журнал, давая понять, что разговор закончен.

– Хорошо. Я к юристу пойду, к декану, к ректору... Мы найдём способ...

– Я не задерживаю вас более, – прервала Марина Владимировна, решительно взяла ведомость и написала в незаполненных строчках «не явилась», «не явился». Она снимала с себя ответственность за тех, кому была «предоставлена возможность» слушать лекции, готовиться к практическим занятиям, сдать экзамен. А

то, видите ли, «предоставьте нам». Тьфу, слово привязалось! Какое оно, оказывается, нагло-требовательное, хоть и нет такой пометы в словарях. И уж очень ранящее, потому что связано с переживаемыми событиями.

Она была человеком сдержанным, терпеливым и имела достаточный запас прочности для преподавательской работы. Ей казалось, что она далеко не безвольна, не уговариваема. Но при этом некоторые люди почему-то считают, что имеют право гнуть её под свои интересы. И им это удаётся. Она судила себя и не могла понять, в чём её слабость, что они такое в ней усматривают, не останавливаясь перед первым же оказываемым ею сопротивлением. Тем решительнее и несговорчивее она старалась быть после очередного поражения на ристалище межличностных отношений.

Недавно женился сын. Привёз домой девушку и представил как жену. Марина Владимировна смирилась с этим огорчившим её фактом. А что было делать? Указать на дверь? Прочитать мораль? Просветить на предмет культурных традиций: знакомство, ухаживания, сватовство, помолвка, свадьба? Вошли в моду иные нравы.

Она именно «предоставила» новой семье большую комнату, а сама вселилась в маленькую со всей своей библиотекой. Опять-таки: что было делать, если выяснилось, что будет ребёнок, тут уж не до помолвки, не до свадьбы. Теперь надо будет из прихожей убрать к себе же книжные стеллажи: появится коляска, то да сё. Придётся «предоставить» площадь.

– Мама, может, тебе перейти на полставки? – посоветовал не без нажима сын. – Надо дать Яне возможность окончить университет. С ребёнком...

– Понятно. А жить будем на твою стипендию и мою уполовиненную зарплату? Яна, насколько мне известно, стипендии не получает.

– Хорошо! – уже с раздражением заговорил сын. – Если хочешь, я могу работать по ночам!

– Ночами надо спать, чтобы днём успешно учиться. Следовало бы, друг мой, подождать с ребёнком...

– Предоставь уж нам самим решать, как строить свою семейную жизнь, – вёл наступление сын, входя в новую роль мужа и будущего отца.

– У слова «предоставлять», мой дорогой, есть два значения: «отдать в распоряжение» и «дать

право, возможность решать и делать что-то самому, самостоятельно». Чувствуешь разницу?

— Любишь ты, мамочка, учить. Всех бы ты учила!

— Профессия, сынок, такая.

— Дома хоть, «друг Аркадий, не говори красиво».

— Мальчик мой! Осознавая своё право и требуя «предоставить в распоряжение», оставляешь ли ты мне-то право самой решать? — и сорвалась в слёзы: — Если бы был жив папа...

— А вот это уже шантаж. Не бей по больному, — понизив дрогнувший голос, начал было сын, но не выдержал накалившегося разговора и вышел, хлопнув дверью.

— Вот и рожай детей, — в слезах сама с собой заговорила Марина Владимировна. — Предоставляй им и жизненное пространство, и право самим решать. Это что, и есть родительский долг?!

А когда, проплакавшись, взяла себя в руки, трезво рассудила: а если им «предоставить» также полномочия исполнять совершенно самостоятельно свой отцовский, материнский долг, студенческий, профессиональный, гражданский и так далее? Почему я обязана снять с них и это святое? Стал мужем — устраивай свой дом. Стал отцом — расти своё дитя, не перекаладывая ответственности на других. А не можешь, не готов — не бери на себя ношу, чтобы не нагружать ею и рядом живущих.

Хорошо рассудив, Марина Владимировна положила на судьбу и сделала всё, о чём просил

сын и что она сама и вменила себе как материнский долг. И ещё стала брать на ночь переводы с французского, чтобы освободить сына от лишних забот, пусть спокойно и успешно учится. Сама, по доброй воле.

Некому сказать: «Предоставьте мне!» Муж в своё время создал для семьи дом, материальный достаток, заботу, любовь, покой. В общем, Марина Владимировна считала себя счастливой женщиной и матерью. Он трагически погиб два года назад, спасая человека. И пришлось одной решать и за себя, и за других. Часто в ущерб себе, своей свободе, жертвуя и идя на компромиссы, порой унижительные. И кто знает: может, и в ущерб тем, кому жертвовала. Закон ли это жизни? Заблуждение ли? Непоследовательность? Недомыслие? Бесхарактерность?

...Марина Владимировна сидела за своим экзамениционным столом в пустой аудитории, бесконечно протирала очки и, пожалуй, неосознанно ждала: не придёт ли кто из «неявившихся». Где-то в глубине души она презирала себя за малодушие и педагогическую беспомощность. И мысленно обращалась к памяти мужа и к нему лично: «Скажи мне, где я совершаю ошибку, в чём не права? И что же мне делать?» Она была предоставлена самой себе. Безопорно, безропотно и безнадежно. Она устала. А надо было жить. Как? — вопрос из тех, что не имеют простого ответа.

□

Вера Алексеевна ФИЛИППОВА

родилась в Вологде, живет в Петрозаводске.

Окончила филологический факультет Уральского университета.

Несколько лет работала в школе. Кандидат педагогических наук,

доцент по кафедре философии ПетрГУ.

